

Самая последняя версия, ноябрь 2017 г.

Породниться с дворянами Мотовиловыми

В очерке «Везение инженера Роберта Классона» мы упоминали о том, что, оказавшись во Франкфурте в июне 1891-го, Роберт Эдуардович посещал баню вместе с сослуживцами, где они разыграли своего шефа Вильяма Линдлея, и участвовал в работе испытательной комиссии в качестве ассистента В. Линдлея на местной Электротехнической выставке, проходившей в том же году.

К сожалению, какие-либо других свидетельств «светской жизни» Роберта Эдуардовича, а также Софьи Ивановны в Германии не сохранилось. Поэтому остается только гадать о том, как они проводили свой досуг. Однако можно с уверенностью утверждать, что регулярным объектом посещения была Франкфуртская опера, поскольку Р.Э. Классон, по свидетельству его сына Ивана, любил бывать в подобных заведениях во время своей учебы в С.-Петербурге.

Старая опера (Alte Oper), Франкфурт-на-Майне

Позволим в то же время предположить, что семейная пара неоднократно заглядывала и на упомянутую выставку, где были выставлены не одни железяки, интересовавшие только Р.Э. Классона. Вот как описывал ее привлекательные экспонаты журнал «Электричество» (в своих публикациях за 1891 год):

Наиболее интересным пунктом выставки будет уже известная читателям передача 300 лш. сил от Лауфенского водопада на Неккаре в Франкфурт на расстояние около 100 верст. Потеря энергии в этой замечательной передаче будет всего 2%; кабели для нее изготовлены бр. Сименс в Лондоне. На осуществление этой выдающейся работы германский император и франкфуртский промышленный комитет пожертвовали по 10 000 марок. <...> Для развлечения посетителей служить будут прекрасно устроенные рестораны, театр, соединенный телефонически с операми Мюнхена и Висбадена, электрически освещенный подземный грот, прогулки на электрических лодках по озеру, воздушный шар, поднимающийся на высоту 600 м., и еще много points d'attraction [привлекательных мест]. <...>

Франкфуртская электротехническая выставка открылась в субботу, 16 мая речью председателя выставочной комиссии Л. Зоннемана. Приветствовав высоких гостей, почтивших открытие своим присутствием, председатель сделал в нескольких словах краткий обзор предшествовавших электротехнических выставок по сравнению с ныне открывающейся.

<...> Выставка заключает в себе следующие отдельные части и установки.

1. Главный выставочный плац 77 000 кв. м., на котором 21 200 кв. м. застроено зданиями; из них замечательнейшие – машинное здание, здание для котлов, отдел телеграфии и телефонии, отдел проводов и систем распределения электричества, отдел для установок, для железнодорожного материала, для медицинских и научных приборов, для электрометаллургии и электрохимии и, наконец, здание мастерских, движимых электромоторами.

2. Морская выставка на берегу Майна с электрическим маяком и несколькими движимыми электричеством судами (наибольшее из них поднимает 100 чел.).

3. Воздушный шар в сквере на Kaiser Straße. Канат наматывается на барабан электродвигателем.

4. Установка в Пальмовом Саду, освещающая часть выставочного плаца.

5. Электрический трамвай, идущий от выставочной площади к морской выставке; система соединенных подземных и надземных проводов.

6. Электрический трамвай от выставки на площадь Opernplatz; надземные провода, часть же вагонов движется аккумуляторами.

7. Дорога Waldbahn, движимая аккумуляторами, заряжаемыми на выставке.

8. Установка для передачи силы из Оффенбаха на Майне, на расстояние 10 километров.

9. Установка для передачи 300 л.с. из Лауфена на расстояние 175 километров.

10. Телефоническая передача музыки: 1) из музыкального павильона в лодку воздушного шара; 2) из помещения для военной музыки в Франкфуртских пехотных казармах; 3) из Франкфуртской оперы; 4) королевского театра в Висбадене, и, наконец, 5) из придворного театра в Мюнхене. Телефоны-приемники помещены в многочисленных отдельных комнатках в телефоническом отделе выставки.

<...> Посетившие выставку теперь найдут, к сожалению, главный предмет внимания ее, именно Лауфенскую передачу, далеко еще не готовой. Работы по ней начались только в последнее время, так как сравнительно недавно еще было подписано окончательное условие. Грандиозное это предприятие, как известно нашим читателям, приняли на себя две фирмы – Allgemeine Elektrizitäts Gesellschaft [(AEG)] и машиностроительный завод Эрликон. Общество портландского цемента в Лауфене поставило в их распоряжение свою турбину в 300 л.с., германское правительство приняло на себя стоимость проводов – трех 4-миллиметровых медных проволок в 175 километров длины [каждая]. На проводку потребуется около 2 600 столбов, 9 000 изоляторов (с изолирующей жидкостью) и около 60 тонн медной проволоки. Детали установки разработаны были сообща инженерами Броуном (Эрликон) и [Доливо-]Добровольским. Установка должна быть окончена к 15 августа, под страхом неустойки в 51 000 марок.

<...> Воздушный шар в сквере на Kaiser Straße уже доставлен на место и вполне смонтирован; с ним недавно случилось небольшое несчастье – он сорвался с каната и унес собой инженера Отта и двух рабочих. Впрочем, он скоро спустился в нескольких верстах от Франкфурта, не причинив никакого вреда своим пассажирам; теперь его уже опять водворили на место.

<...> Теперь уже выставка очень оживлена, толпы посетителей окружают еще не конченные установки, с интересом следя за постепенным ходом дела. Для инженера, пожалуй, теперь самое интересное время для посещения выставки – он увидит здесь все в работе, увидит монтаж машин, иногда не менее интересную, чем сами машины, словом, познакомится с подготовительной, практически весьма интересной, частью работы.

Поэтому большинство немецких электриков, могущих несколько раз побывать на выставке, и собирается теперь весной посетить Франкфурт. С другой стороны, можно посоветовать нашим электротехникам посетить выставку в августе месяце, когда будет готова Лауфенская передача силы и откроется электротехнический съезд.

А вот непосредственные впечатления очевидца от объектов выставки, предлагавшихся на потеху публике (опубликованы все в том же «Электричестве»):

Закончим теперь наши описания выставки, упомянув еще о тех отделах, которые с электротехникой имели мало общего, но служили для увеселения публики, посещавшей выставку. Обойдем молчанием все те учреждения всех национальностей, которые служили для поддержания физических сил посетителей и, в особенности, для служения Ваху. После них наиболее популярным пунктом выставки был «лабиринт», построенный Бартлингом из Гамбурга.

Место, занятое лабиринтом, разбито было на треугольные площадки приблизительно такой величины, что на них свободно умещаются два-три человека. Каждый треугольник замкнут тремя совершенно одинаковыми стенками, состоящими из пары колонн, которые соединены аркой в византийском стиле. Пространство между арками или оставлено пустым или заполнено совершенно прозрачным и старательно вычищенным зеркальным стеклом. Совершенно равномерное освещение лабиринта достигается или дневным светом или лампами с вольтовой дугой, подвешенными над лабиринтом, который сверху затянут полотном.

Трудно описать впечатление посетителя, заблудившегося в этом лабиринте: неизвестность, в какую сторону направиться, прозрачность всех стен и невозможность отличить отверстие от стеклянной стены приводит, в конце концов, посетителя в довольно досадное нервное состояние. В центре лабиринта находится круглый зал, ярко освещенный дугowymi лампами, стены которого увешаны вогнутыми и выпуклыми зеркалами, производящими известные комические эффекты. Винтовая лестница из него ведет в калейдоскопическую комнату – треугольное помещение с зеркальными стенами, в котором несколько человек производят впечатление несметной толпы. Рядом с лабиринтом устроено фотографическое ателье, где снимки производятся при электрическом свете.

Не менее интересна панорама, представляющая прибытие трансатлантического парохода Австрийского Ллойда в Нью-Йоркскую гавань. Панорама мастерски нарисована Петерсеном и производит полнейшую иллюзию – особенно хороша столлярная и слесарная работа. Посетитель стоит на палубе парохода и видит вдали Нью-Йорк, статую Свободы Бартольди и Бруклинский мост. Много посещаются также «электрические бега», устроенные А. Салле из Парижа и описанные уже в нашем журнале в прошлом году, затем бассейн, где работают водолазы и показаны применения электрического света и телефонии к водолазному делу, и, наконец, воздушный шар.

Этот привязанный шар помещен недалеко от центра выставки по той стороне Kaiser Straße и защищен от ветра высокой полукруговой деревянной стеной, за которую он и притягивается, когда им не пользуются. Шар имеет 65 футов в диаметре и сделан из девяти слоев какой-то полушелковой, полушерстяной материи; в корзине его помещается 10 человек. К нему приставлена [наземная] команда из 18 человек нижних чинов воздухоплавательного германского парка под начальством капитана.

На берегу Майна фирма де ла Зосс и Клосс в Берлине построила легкую железную башню в 150 футов вышины, с которой открывается прелестный вид на город Франкфурт. Сама башня представляет любопытный и поучительный образчик новейших легких железных построек. Точная высота самой башни, которая сделана вся из железа, равняется 139 футам 9 дюймам.

<...> Основанием башни служит четырехугольное здание футов в 20 вышины и в 32 в [каждой] стороне, в котором помещены машины для подъемов и устроены лавочки для продажи цветов; стены его тоже из железа и залиты цементом. На высоте 105 футов устроена восьмиугольная платформа, на которой помещается человек 30. Она покрыта куполом, на которой построена еще платформа, на крыше которой помещена лампа в 20 000 свечей. На первой же площадке установлены зрительные трубы и рефлектор в 10 000 свечей Сименса и Гальске. Электрические подъемные машины устроены по известной американской системе Отис и предназначены для подъема 8-10 человек; скорость подъема около 240 футов в минуту. Элеватор действует прекрасно, как самый лучший гидравлический; управляется он из самого вагончика.

В общем, русской семейной паре было где развлечься, и не только во время выставки. Опять же, не осталось каких-либо свидетельств о контактах молодого Роберта с уже маститым электротехником Михаилом Осиповичем Доливо-Добровольским, работавшим главным инженером в упомянутой германской фирме AEG. Позволим предположить, что хотя бы случайные пересечения двух коллег могли неоднократно происходить в течение всего 1891-го года.

Как можно судить по документам и воспоминаниям, наша семейная пара некоторое время (с июня по октябрь) жила во Франкфурте «гражданским браком». Лишь 26 октября (нов. стиля) Роберт Эдуардович зарегистрировал свои отношения с Софьей Ивановной в Standesamt (Бюро записи актов гражданского состояния или, по-нашему, ЗАГС) Франкфурта. При этом он был записан в брачном свидетельстве как Robert Klafsson, родившийся в Киеве, а его жена – как Sophia Motoviloff, появившаяся на свет в Симбирске. То есть Р.Э. Классон воспроизводил в латинице свою, уже «русскую» фамилию, не на немецкий, а на шведский манер. Забавно, что его дед Эрнест, онемечившись и записывая себя как Klassohn, похоже, не подозревал, что в буквальном переводе она означает «сын глупца, дурака». Возможно, поэтому Роберт и вернулся к шведской первооснове – Klasson (сын Класа).

В Германии уже тогда действовала гражданская регистрация браков, рождений и смертей, введенная в России лишь после 1917-го. Когда В. Линдлей узнал, что его сотрудник женился, он сейчас же удвоил ему жалованье. Умный шеф понимал, что назначение мужа – зарабатывать, а жены – рожать детей и обеспечивать семейный уют. Правда, с последним – семейным уютом (а тем более со взаимной любовью), как мы уже видели в очерке «Шведско-немецкие корни. Киевские родственники», дела обстояли не совсем благополучно.

С.Н. Мотовилова вспоминала: «тетя Соня» хотела, чтобы их брак с Р.Э. Классоном был гражданским (то есть зарегистрированным в мэрии). Но Роберта и Софью во Франкфурте ни в один пансион не пускали (даже в разные комнаты), пока они не «поженятся по-настоящему», и им пришлось венчаться в русской православной церкви.

I. Ehe-					gatten.			
Namen und Stand der Ehegatten.	Religion.	Geburts- tag und Geburtsort.	Namen, Stand und Wohnort deren Eltern.	Zeit u. Ort der Eheschließung und Nummer des Reg.	Beglaubigungs- vermerk.	Zeit und Ort der kirchlichen Trauung.	Zeit und Ort des Todes.	Standesamt Register-Nummer und Beglaubigungsvermerk.
<u>Klasson</u> Robert, Kaufm., Luganiner.	evangelisch.	am 12. Februar 1868 zu Klees in Russland, Provinz, u. auf zu Hera	Ernst Klasson Klasson Sgt. und Leutnant Krafft, z. zu Hera, und Anna Janka geb. Weber, jetzt, anderswo, wohnf. Russland, Provinz, u. auf zu Hera	am 26. October 1891 zu Frankfurt a. M.	Beglaubigt Frankfurt a. M. den 26. ten October 1891 Der Standesbeamte. In Vertretung <i>[Signature]</i>	30. März 1892 zu A. Buch- lene (Petersburg)	11. April 1926 zu M. M. M.	H. M. M.
<u>Motoviloff</u> Sofja, Kaufm.	evangelisch.	am 11. November 1863 zu Lemberg in Russland.	Johann Motoviloff Feld. Capitän, und geb. Motoviloff Lemberg beide wohnf. zu Lemberg.	am 26. October 1891 zu Frankfurt a. M.		15. März 1912 zu M. M. M.	M. M. M.	

Первый разворот Familien – Stammbuch, о регистрации гражданского брака Роберта Классона и Софии Мотовиловой во Франкфурте в октябре 1891 г., с последующими пометами И.Р. Классона (ф. 9508 РГАЭ)

А как напоминал их сын Иван, в дореволюционной России для ее подданных не признавался брак, оформленный в иностранном ЗАГСе. У нас тогда были действительны только церковные браки. И для русских подданных брак между православным супругом и не православным допускался венчанием только в православной церкви. А детей этих смешанных, но христианских браков должны были крестить только в православие.

В итоге молодые через полгода еще и обвенчались в Висбадене, неподалеку от Франкфурта. Как вспоминал И.Р. Классон, когда он осенью 1924-го жил три недели вместе с отцом, лечившимся в Наухайме, то как-то спросил, бывал ли он в Висбадене, и Роберт Эдуардович ответил, что венчался там с Софьей Ивановной в православной церкви, т.к. во Франкфурте таковой не было.

И соответствующий документ сохранился:

Свидетельство

В Метрических Книгах православной русской церкви [св. Елизаветы] в г. Висбадене за 1892 год во второй части о бракосочетавшихся под №2 значится:

«Тысяча восемьсот девяносто второго года Февраля девятого дня инженер-технолог Роберт Артур Классон евангелического вероисповедания 24 лет, вступил в брак с девицею – дочерью корнета Софиею Ивановною Мотовиловою православного вероисповедания 28 лет. Таинство бракосочетания совершал протоиерей Сергей Протопопов с диаконом Александром Флеровым и псаломщиком Василием Хутынским. Поручителями по женихе были инженер Григорий Дельвальд, а по невесте Иаков Вандшток и Лудовик Беккер». (здесь и ниже, если особо не отмечено, – документы хранятся в ф. 9508 РГАЭ)

Православная русская церковь святой Елизаветы, Висбаден

Поручители эти далее нигде в документах или письмах Роберта Эдуардовича или воспоминаниях его сына Ивана не появились. Возможно, что они были сослуживцами Р.Э. Классона по франкфуртской конторе В. Линдлея, которых он пригласил съездить в Висбаден «по официальному делу».

Будь семейная пара полюбознательнее, она могла бы, кроме своего венчания в Висбадене, посетить заодно расположенное рядом с церковью православное кладбище и с удивлением обнаружить там могилу одного русского военного. Этот персонаж немало «поспособствовал» тому, что Иван Егорович Мотовилов, отец Софьи, бросив военную службу, решил уйти в монастырь, но перед этим съездил в Киев попрощаться с любимой сестрой Анной, где встретил горничную Луизу Флориани, без памяти влюбился в нее и забыл про монастырь, а в результате таковой любви появилась на свет и Софья (об этой трогательной истории см. очерк «Мотовиловы – от Тимофея Мотовила»).

Итак, что же это за кладбище и кто таков упомянутый персонаж? Приведем отрывки из очерка Светланы Арро «Полтора века меланхолии и скорби. Русское православное кладбище в Висбадене» (Neue Zeiten, №10, 2006):

Кладбище было освящено в последнюю декаду августа 1856 года. Небольшая мраморная плита на поставленной позднее часовне, луковка которой сияет золотыми звездами на синеве кровли и видна уже от ворот, сообщает: «Кладбище для православных устроено христоробивым попечением благоверной государыни великой княгини Елены Павловны на иждивение Ея Императорского высочества и Российского министерства иностранных дел. Освящено 19/31 дня 1856 года». <...> Земли под церковь и кладбище, и часть леса первоначально принадлежали к государственному имуществу Нассауского герцогства.

В 1864 году, через 8 лет после возникновения кладбища, земля была куплена русской висбаденской церковью как собственность. Кто сегодня хозяин храма и кладбища, до сих пор вопрос не простой. Герцоги Нассау потеряли свое герцогство в 1866 году, когда оно было аннексировано Пруссией. Но родовое имущество, в состав которого к тому времени входил и храм, и земля русского кладбища, осталось в ведении отставного герцога, покинувшего родные места. В последние годы жизни герцог, отличавшийся редким для его статуса долголетием, стал великим герцогом Люксембургским. Он умер с этим титулом в 1905 году. При его наследнике герцоге Вильгельме положение церкви и кладбища усложнилось, но в 1912 году после долгих переговоров храм, дом священника и лесной участок, то есть кладбище, были вторично куплены [российским] Министерством императорского двора и уделов.

<...> Смотрим надписи на следующих памятниках вдоль правой стены. О каждом из похороненных здесь персон можно написать новеллу. Но прежде чем ее написать, нужно очень много прочитать. Мемуаров, документов, биографических и исторических материалов. Надо искать, сопоставлять, выуживать правду. Потому что на памятнике мы читаем лишь скупую строку. Например, «Михаил Соломонович Мартынов, ротмистр. 1814-1854». Вспоминаем, что Николай Мартынов убил Лермонтова. Работаем с лермонтовскими материалами и выясняем: да, брат.

Как-то Алина Антоновна Мотовилова (вдова брата Софьи – Николая Ивановича) приезжала из Лозанны во Франкфурт навестить свою золовку. Р.Э. Классон потом рассказывал сыну Ивану, как он встречал ее на вокзале. Хотя раньше никогда не видел Алину Антоновну, тем не менее, он совершенно уверенно подошел к ней на платформе, чем весьма удивил ее. И тут же объяснил свою уверенность: когда в незнакомом городе из вагона выходит немка, то она, растерявшись, бросается сразу в две стороны, но когда выходит русская барыня, то она, опять же растерявшись, бросается сразу во все четыре стороны!

В это время А.А. Мотовилова со своими тремя дочерьми (по старшинству – Зинаидой, Софьей и Верой) пребывала в Лозанне. Софья Николаевна вспоминала: «*В Швейцарию мы приехали осенью 1891 года. Этот год мы жили в пансионе. Летом 1892 года у нас появились тетя Соня, Классон, а затем Коробко. И мы сняли квартиру, где Соничка и родилась [(9 октября / 27 сентября 1892 года)]*».

На втором развороте Familien – Stammbuch (Kinder) рукой Софьи Ивановны было записано, что Соничка родилась 27 сентября 1892 года, – до 1 марта 1901 г. это было справедливо. Ну а затем, как мы уже указывали и будем указывать, разница между новым и старым стилем увеличится еще на сутки и составит уже 13 дней. Поэтому вспоминать про какие-либо годовщины рождения / смерти в нынешнее время более правильно с учетом разницы в эти же 13 дней: то есть, например, 125 лет со дня рождения Софьи Робертовны Классон правильнее отмечать 10 октября 2017 года. Или, более известную дату – 110-летнюю годовщину расстрела мирной делегации рабочих у Зимнего дворца 9 января 1905 г. по старому стилю, надо было вспоминать 22 января 2015 года!

— 4 —					— 5 —				
II. Kin-					der.				
Nummer.	Vor- und Zunamen.	Zeit und Ort der G. durt.	Standesamt und Nummer des Geburtsregisters.	Wegführung des Standesbeamten.	Religion, Tag der Taufe, kirchliche Wegführung.	Tag der Taufaufnahme, Tag der Confirmation, rth. Communio.	Zeit und Ort des Todes.	Standesamt und Nummer des Sterberegisters.	Wegführung des Standesbeamten.
1	София	27 Сентября 1892 года в Лозанне в 12. Дни в больнице	См. фото семьи		православная крестина 8 января 1891 года в Швейцарии		10 мая 1930 года в Мюнхе.	37 лет	
2	Марияна	23 сентября 1896 года на бульваре Оффр в 40. 20 мая умерла в госпитале			Крестина 26 января 1896 года на бульваре Оффр		в госпитале в Мюнхене 1943г. 47 лет		
3	Иванъ	1 марта 1899 г. в Швейцарии в городе Берне в больнице			Крестина 25 января 1899 года в Швейцарии в городе Берне				
4	Викторина	Викария 1 мая 1901 года в Таганроге			Крестина 10 января 1901 года в Таганроге				

Taufzeugen: siehe Seite 10 ff.

Второй разворот Familien – Stammbuch, о рождении детей, кроме Павла

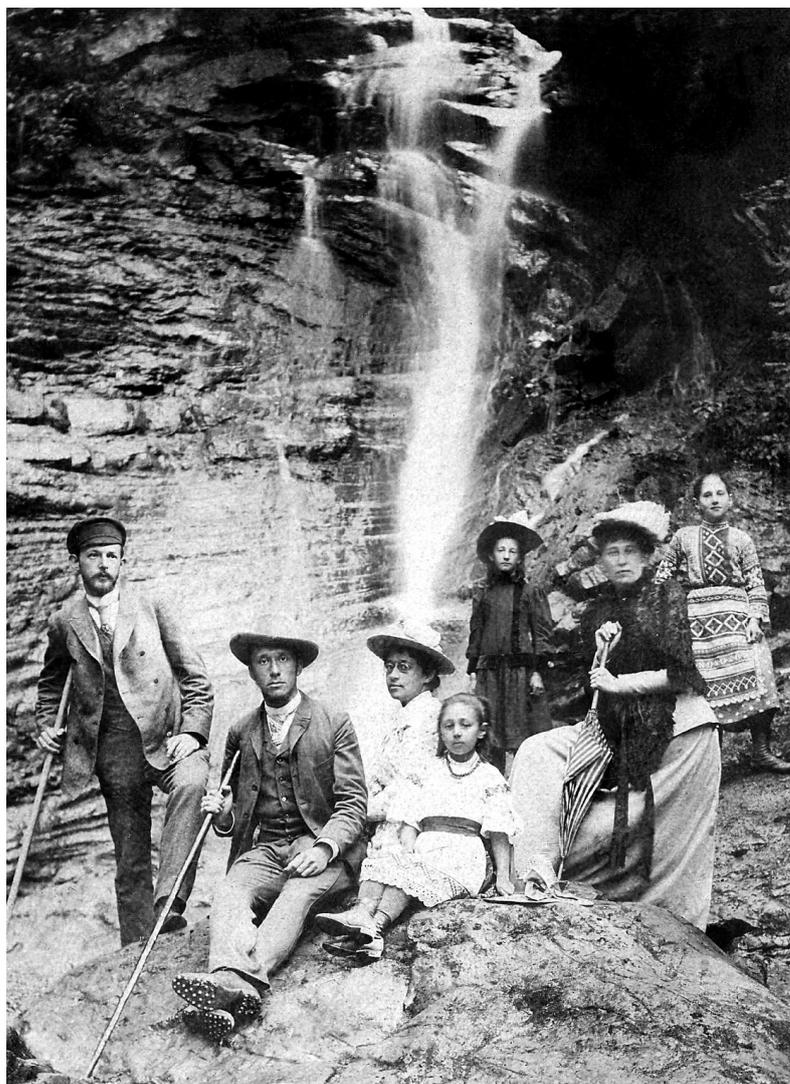
Упомянутые персонажи жили совместно, по-видимому, весьма дружно. Это можно предположить, рассматривая фотографию «русские в Швейцарии», где они запечатлены всей компанией (еще до рождения Сонички) у водопада недалеко от Ormonts dessus.*

Кстати, Я.П. Коробко летом же 1892-го прислал телеграмму в Лозанну (чтобы Классоны и Мотовиловы встретили его, не звавшего ни немецкого, ни французского): «Komme Auf-erstehung» («приезжай Воскресение»). Наверное, он имел в виду: «Ich komme am Sonntag» («приеду в воскресенье»). По словам С.Н. Мотовиловой, получив эту телеграмму, они страшно смеялись.

В Лозанне к Классонам для принятия родов был приглашен акушер, упоминавшийся ранее немец Крафт.

По приезду в Швейцарию Р.Э. Классон вместе с Я.П. Коробко посетили под Женевой (в университетском городке Морнэ), как мы уже вскользь упоминали, первых русских марксистов-эмигрантов, основавших в 1883-м группу «Освобождение труда», – Г.В. Плеханова и В.И. Засулич и встретились в Цюрихе с П.Б. Аксельродом. А во Франкфурте Роберт Эдуардович бывал на собраниях немецких социалистов-демократов, которые незадолго до этого стали легальной партией – после отмены бисмаркского закона о социалистах. В 1890 г. рейхстаг отказался продлить действие «исключительного закона» против социалистов, принятого в 1878-м под давлением рейхсканцлера Отто Бисмарка и запрещавшего деятельность социал-демократических организаций в Германии.

* Ormonts-Dessus – Ормон-Дессю, или Верхний Ормон, живописная долина в Швейцарских Альпах. Находится недалеко от Монтре и немного далее – от Лозанны. В самой долине, расположенной на высоте более 1 000 метров, развит горнолыжный отдых. А водопады, где могли сниматься «Русские в Швейцарии», по-видимому, находятся пониже.

«Русские в Швейцарии» (1892 г.): слева направо Я.П. Коробко, Р.Э. Классон; С.И. Классон, А.А. Мотовилова, урожд. фон Эрн, с тремя дочерьми (Верой, Софьей и Зинаидой)

Софья Николаевна в письме Ивану Робертовичу в Москву приводила такой щекотливый момент, о котором рассказывала ее мама:

Как-то в Москве Классон говорит тете Соне – зачем она перестала завиваться, а причесывается «рядом»^{}? А тетя Соня ему сказала, шутя конечно, что когда она [раньше] причесывалась «рядом», в нее влюблялись, и даже двое покончили из-за нее самоубийством, а когда она носила завитую прическу, то ей пришлось самой делать ему предложение. Как это было, что тетя Соня сама предложила Классону жениться на ней – я не знаю.*

Тетя Соня была старше Классона, и он, очевидно, ее не любил, поэтому он сказал, что подумает и посоветуется с Коробкой. Вы представляете себе, как после этого тетя Соня невзлюбила Коробку! Когда они были с нами в Ormonts, она все над ним издевалась и приставала к нему: почему у него рот бантиком? Меня это возмуцало.

^{*} Т.е. в одном направлении – сверху вниз, от пробора посередине.

Юная С.И. Мотовилова, «завитая»

С.И. Мотовилова-Классон, постарше и с прической «рядом»

В то же время Я.П. Коробко, по мнению С.Н. Мотовиловой, «был очень милый и симпатичный человек (мы дружили). Его дочь жива, то есть была жива два года назад, когда еще Яснопольский бывал в Киеве. Служит библиотекарем где-то на Украине. Одно время жила у Яснопольских, а денег ей одно время присылал Классон. Я люблю дружбу, которая сохраняется до конца жизни, как у Коробки и Классона» (цитируется ее письмо И.Р. Классону от сентября 1959 г.). Академик АН УССР Леонид Николаевич Яснопольский был женат первым браком на сестре Я.П. Коробко. И сообщал С.Н. Мотовиловой последние новости о его дочери.

Влюблялся в «тетю Соню» и какой-то немец, когда она жила в Харькове у своей tante Emilie. Этому есть документальное подтверждение – фотокарточка, которую он подарил предмету своего воздыхания (последнему шел уже 21-й год) с надписью: «Софье Ивановне Мотовиловой от преданного ей [(витиеватая роспись)]. 16 мая 1884 г.».

Как утверждала С.Н. Мотовилова, «тетя Соня была в это время очень хорошенькой, и маленькие усики над верхней губой придавали ей особую прелесть. Она была умна, остроумна, образованна, и в нее легко влюблялись. Одно время она жила почему-то в Харькове, у нее тут был роман с каким-то немцем. Я забыла его фамилию, и кем он был. Это был лучший период tante Emilie жизни. Она переживала с тетей Соней все перипетии этого романа. Тетя Соня его (героя романа) не любила, отказала ему и уехала из Харькова». Практичный немец, по-видимому, вскоре нашел замену предмету своего безнадёжного воздыхания.

А вот двое русских, кузенов Софьи Ивановны, поочередно покончили с собой от безответной любви к ней: это Петр Пятницкий, брат Николая Федоровича Пятницкого, женатого на Лидии Ивановне Мотовиловой, и Федор Мотовилов, сын Андрея Егоровича Мотовилова.

Влюбленный в С.И. Мотовилову немец, Харьков, 1884 г.

Tante Emilie, Харьков

На недоуменный вопрос И.Р. Классона, а где доказательства того, что они свели счеты с жизнью именно из-за безответной любви к его будущей маме, киевский корреспондент вполне резонно отвечал:

Так все говорили, что они покончили самоубийством из-за тети Сони (оба застрелились), но и писем о том, что из-за любви к тете Соне [они кончают самоубийством], не оставляли. Но если человек объясняется в любви, ему отказывают, и он вскоре стреляется – как это объяснить?

А детали этих печальных историй С.Н. Мотовилова описывала так:

[Уехав из Харькова,] затем тетя Соня гостила одно время у тети Лиды в ее имении Протопопово. Здесь в нее влюбился брат Николая Федоровича, мужа тети Лиды, Федя Пятницкий [Зинаида Николаевна вскоре поправила сестру – Петр Федорович – МК]. Говорили тогда, что он был очень хороший человек, он полюбил тетю Соню очень глубоко, и когда она отказала ему, застрелился. Его портрет почему-то висел в кабинете моего отца и почему-то вокруг портрета – венок из плюща (искусственный).

Когда одно лето мы жили в Ишеевке, на даче у нас гостили тетя Соня и Федя Мотовилов, дядя Гомочки, брат его отца Ивана Андреевича. Помню, тетя Соня гуляла с этим Федей по Ишеевскому чудесному парку. Этот Федя тоже влюбился в тетю Соню, но и ему она отказала, и он тоже застрелился.*

* Георгия Ивановича Мотовилова, будущего известного советского скульптора.

Поясним здесь, что речь идет, по-видимому, не о деревне Протопоповка (располагалась у р. Свияга, по почтовому тракту в Казань в 10 верстах от Симбирска), а о селе Протопопово (находилось у р. Карла, по коммерческому тракту из г. Буинска в г. Алатырь в 15 верстах от уездного Буинска, который в свою очередь располагался в 75 верстах от Симбирска), т.е. это был «медвежий угол» губернии! (Источник: Список населенных мест по сведениям 1859 года, т. XXXIX, Симбирская губерния. Санкт-Петербург, 1863.)

Согласно же труду – П. Мартынов. Селения Симбирского уезда. Симбирск. 1903 г. – по постройке в Симбирске Троицкой соборной церкви, в 1651 г., ее причту была пожалована вотчина, деревня Протопоповка с крестьянами. В 1764 г. эта деревня была изъята, с крестьянами и землей, из владения причта и перешла в ведомство Государственной коллегии экономии. Т.е. в Протопоповке помещики завестись в XIX веке не могли!

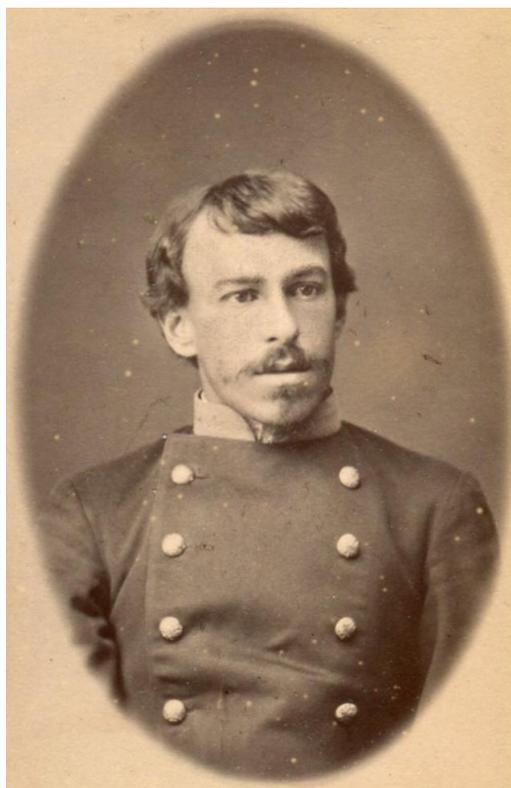
Село же Ишеевка располагалось у р. Свияга, по почтовому тракту из Симбирска в Казань, в 15 верстах от этого уездного и губернского города («Список населенных мест...»).

Безуспешные поиски автора упоминаний в казанском «Волжском вестнике» о дуэли (убийстве человека) брата С.И. Мотовиловой – Александра Ивановича с человеком, «сказавшим ему грубое слово» (см. очерк «Мотовиловы – от Тимофея Мотовила»), – привели к неожиданной находке:

Самоубийство студента [в Казани]. Вчера, около трех часов пополудни, в «степановских номерах» (кв. №9), что на углу Рыбнорядской и Малой Проломной улиц, выстрелом из револьвера покончил свою жизнь студент Казанского университета, второго курса юридического факультета, Фед. Андр. Мотовилов. Самоубийца оставил записку, в которой говорится: «Без веры в Бога, людей и самого себя жить нельзя». Выстрел был направлен в сердце и смерть последовала мгновенно. Покойный считался в кругу товарищей очень хорошим человеком и пользовался расположением всех знавших его. («Волжский вестник», 25 октября 1887 г.)

Похороны студента Ф.А. Мотовилова, окончившего 24-го числа жизнь самоубийством, происходили вчера, после совершенного в Богоявленской церкви отпевания тела. Студенты проводили несчастного товарища в место вечного упокоения. Можем сообщить некоторые биографические данные о покойном.

Федор Андреевич Мотовилов, происходящий из дворян Симбирской губернии, родился 26 мая 1863 года в селе Скорлятка, Сенгилеевского уезда. Окончив курс в Симбирской гимназии, он в сентябре 1884 г. поступил на медицинский факультет Казанского университета, на котором пробыл оба полугодия 1884/85 учебн. года и в августе 1885 г. перечислился на историко-филологический факультет, на котором пробыл всего 4 месяца, и в январе 1886 года перешел на юридический факультет, на котором и оставался до самой кончины своей. Катастрофа произошла для всех неожиданно: в день самоубийства Мотовилова еще в 12 час. дня видели в университете, на лекциях, а в 3 часа того же дня его уже не стало. («Волжский вестник», 28 октября 1887 г.)

Сие фото, сделанное в Казани и находящееся в альбоме С.И. Мотовиловой-Классон, с большой долей вероятности принадлежит ее кузену Ф.А. Мотовилкову

Осенью 1887 г. С.И. Мотовилова пребывала уже в Петербурге, где, как известно, познакомилась с будущим мужем, Р.Э. Классоном...

Софья Николаевна упоминала и о нерадостных отношениях между Робертом Эдуардовичем и Софьей Ивановной:

Коробко рассказывал, что Классону с тетей Соней было тяжело, и он поэтому подолгу сидит на службе, ничего не делает, а стреляет в какую-то цель. Все это было до Вашего рождения, но когда уже родились Соня и Таня. Да, еще в тетю Соню был влюблен Борис Александрович Витмер. Знали Вы его? Когда тетя Соня вышла замуж за Классона, он с горя женился на Григорьевой. Тетя Соня называла ее «Григорыха», она была подруга Крупской. Витмер подолгу гостил у тети Лиды в Протопопове и в Богурне.*

Для меня есть две тети Сони: до замужества и после замужества. Первая – живая, веселая, энергичная, решительная. Вторая – усталая, с каким-то вытянутым, длинным лицом, вечно встревоженная и думающая только о своих детях.

Здесь речь идет не только о Протопопове, но и о деревне Мокрая Бугурна, где находилось имение Луизы Францевны и Ивана Егоровича Мотовиловых, родителей Софьи Ивановны. Она располагалась при речке Бугурна на почтовом тракте в Казань в 46 верстах от Симбирска.

В другом письме С.И. Мотовилова вернулась к этому трагическому моменту:

Я думаю, была ли счастлива тетя Соня, если бы вышла замуж за Федю Мотовилова (брата Ивана Андреевича)? Он тетю Соню безумно любил, был вообще очень мягкий, и прихожу к выводу – «да, была бы».

* Возможно, эта «стрелялка» была типа современного дартс.

Влюбленный в Софью Ивановну Б.А. Витмер

И далее:

Вашу няньку (которую Вы так уважаете) вот за что я не люблю. Подлизываясь, очевидно, к Надежде Кронидовне, она ей говорила: «Вот было бы хорошо, если бы Роберт Эдуардович был женат не на тете Соне, а на Надежде Кронидовне!» Ну, разве можно тетю Соню сравнить с этой малокультурной мещанкой?! Конечно, по психологии Надежда Кронидовна была близка к вашей няньке.

Поясним, что Надежда Кронидовна, урожденная Воронцова, была замужем за Иваном Андреевичем Мотовиловым, племянником Ивана Егоровича Мотовилова и отцом упомянутого выше Гомочки. Все их сложные родственные связи мы попытаемся распутать в очерке «Мотовиловы – от Тимофея Мотовила».

С.Н. Мотовилова описала И.Р. Классону и такой эпизод, связанный с его отцом и ее мамой, когда они жили в Лозанне, и с вождем большевиков:

<...> Знаете, в том же 1895 г. [(весной)] у нас был и Ленин. Недавно в какой-то газете я читала, что кресло, на котором сидел Ленин в гостях у кого-то, передано в какой-то музей. Ну, так у меня до сих пор сохранилась бархатная скатерть, лежавшая на столе нашей гостиной, когда у нас был Ленин. Сейчас она покрывает подушку на кресле, на котором я сижу [в киевской квартире], провалившемся. В те годы в Лозанне к нам часто приходили какие-то русские просить денег. Узнают на почте адреса русских, ну и ходят по их домам.

*Когда пришел очередной русский, горничная не впустила его, а сказала маме: «Madame, il y a un individu qui vous demande» [(«Мадам, вас спрашивает некий тип»)]. Мама вышла к нему, он сказал, что прислан Классоном. Они с мамой прошли в гостиную. И тут «тип» удивил маму своей **невоспитанностью**. Вместо того, чтоб вести любезный, остроумный разговор, как, например, Плеханов, он бросился к журналам. Мама очень любила приезды Плеханова из Женевы, он был очень воспитан, остроумен, а у мамы бывал, чтоб она передавала в марксистский кружок Классона то-то и то-то. Ну а «тип» увидал на столе у нас несколько номеров французского социалистического журнала и начал их рассматривать и читать, **никакого внимания на маму**.*

Из конспирации [(как потом станет ясно)] он назвался Петровым, ну а в дальнейшем разговоре совсем не конспиративно сказал, что он из одного города с нами. Мама начала догадываться*: какой это Петров? Мама считала, что всех в Симбирске знает, говорила: «Какой же это Петров? Сын прокурора или еще булочник был Петров?» А «тип» все отвечал: «Этого Петрова вы не знаете». Мама пригласила его ужинать<...>. Впечатления он на меня не произвел. Был скорее молчалив.

<...> Потом пришел Классон и спросил: «Был у вас Ульянов?» Мама говорит: «Был Петров». А Классон ответил: «Это он же».

Забавно сейчас смотреть, как редакторы «Нового мира» пригласили и облагородили облик большевистского вождя при редактировании воспоминаний С.Н. Мотовиловой (в частности, из «невоспитанного» сделали его лишь «сосредоточенным»):

Ленина я помнила еще с 1895 года, когда он в свой первый приезд в Швейцарию заезжал к нам в Лозанну и провел у нас полдня. Было это так. Горничная сказала моей маме, что ее кто-то спрашивает. Вошел незнакомый человек и сказал, что его прислал Классон. Мама ввела его в гостиную, там у нас на столике лежали социалистические газеты. Человек этот бросился к столику и, не обращая внимания на маму, весь погрузился в газеты. Потом они с мамой разговорились.

Мама должна была объяснить ему, как проехать к Плеханову. Обращаясь к маме, незнакомец сказал: «А мы с вами из одного города». «Как же ваша фамилия?», – спросила мама. «Петров», – ответил он. (Ленин одно время, как известно, подписывался Петровым.) «Какой же это Петров, – раздумывала мама, – может быть, сын булочника?» «Да нет, – ответил он, – этого Петрова вы не знаете». За ужином Петров был очень сдержан, разговаривал мало. Позже, когда к нам приехал Классон, он спросил маму: «Был у вас Ульянов?» И тут все выяснилось... (Минувшее. «Новый мир», 1963, №12; оригинал воспоминаний находится в РГАЛИ, а также в ф. 786 отдела рукописей РГБ)

Смысл визита В.И. Ульянова-Петрова к Алине Антоновне С.Н. Мотовилова объясняла так:

Когда В.И. Ульянов в 1895 г. в первый раз ехал за границу и намеревался встретиться с Г.В. Плехановым, ради конспирации было решено, что он свяжется с Плехановым через Алину Антоновну Мотовилову в Лозанне, что он и сделал.

За членами группы «Освобождение труда» в Швейцарии следила французская полиция, тесно связанная с российской «охранкой». И «сводником» между В.И. Ульяновым-Лениным и А.А. Мотовиловой выступал как раз Р.Э. Классон.

А вот разъяснение по несколько другому поводу:

Тот факт, что уже после посещения Классоном и Коробкой Плеханова в Женеве Плеханов приезжал к нам, и мама должна была наизусть запомнить его мнения о разных трудах и передать это в марксистский кружок товарищей Классона, показывает, что с Плехановым они говорили не только об их «бедственном положении». А о каких-то более серьезных теоретических вопросах, о которых вовсе не собирались информировать жандармов.

С.Н. Мотовилова вспоминала также как посещение В.И. Ульяновым-Петровым семьи Мотовиловых в Лозанне весьма забавно трансформировалось, уже в советское время, в «народном фольклоре»: «Одна старуха рассказывала мне, как у нас был Ленин. Пришел в первый раз в дом и сказал: «Дайте мне бифштекс и побольше». Вы представляете себе как это на Ленина похоже?» Типа, «есть такая партия, которая готова взять власть в России!».

* Т.е. строить догадки.

Кстати, вот еще один забавный сюжет по поводу Ленинианы, точнее особенностей ее пополнения в советский период. В 1961 г. С.Н. Мотовилова сообщала И.Р. Классону:

*Я Вам, кажется, писала, нашла у себя пакет писем Ленина и Мартова Аксельроду и Ногину. О том, что я перевозила эти письма, абсолютно не помню, и теперь не вспомнила * <...>. Нашла их через год после смерти Ногина **, отвезла в Институт Ленина. Письма были очень интересны. Но меня изумляло, что никто не заинтересовался ими <...>.*

Я пересылала их обычно [в Институт Ленина] через [Киевский] обком. Сидит какая-то жирная свинья, берет письмо и ни слова не спрашивает. Никакого интереса. Потом этот боров оказался вредителем. За последним [значительно более ранним письмом] года три тому назад приходил какой-то молодой человек из здешнего Института истории партии [и не забрал его]. Весьма элегантен, бледно-зеленое пальто по пятки. Мне это напомнило ливрейного лакея, у них были такие длинные пальто прежде. Это очевидно теперешняя «золотая молодежь» нашего времени, нечто вроде бывших праведов.

Я подумала: «что сказал бы Ленин по поводу такого большевика». Я спросила, кто он. Оказался старший научный сотрудник, изучает «Ленина в 1917-м». Мне говорят: «Как вы не понимаете, если бы было письмо Ленина за 1917 год, это относится к его теме, ему было бы интересно, а почто ему письмо 1900 года?» Когда начала издаваться «Искра»!

И так продолжила свои воспоминания:

Ну а вот дом, в который Ленин зашел на несколько часов, им интересен! Фетишизм какой-то. [Сестра] Зина говорит: «Ты не понимаешь, какой ему интерес передать письмо Ленина в Институт Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ). А тут кто-нибудь получит командировку в Швейцарию изучать места, где был Ленин». В Париж все ездят и изучают «Ленинские места».

Так вот, в декабре 1969-го к И.Р. Классону как раз обратилась такая «изучательница» «Ленинских мест» за рубежом – Зинаида Алексеевна Левина из ИМЭЛ. Она просила установить номер дома по ул. Маурас в Лозанне, где жила А.А. Мотовилова с дочерьми, когда в 1895-м у нее был В.И. Ульянов-Ленин под псевдонимом Петров.

Уже в феврале 1970-го И.Р. Классон передал З.А. Левиной два лозаннских документа: справку о рождении Софьи Классон 9 октября 1892 г. (по новому стилю) – для крещения и *permis de sejour* (вид на жительство) с 1 марта 1894-го по 28 февраля 1895-го для русской девицы Софьи Классон, находящейся на воспитании у т-те Мотовиловой, Маурас 55. Т.е. именно тот дом, как пояснял Иван Робертович в сопроводительном письме, который З.А. Левина уже успела сфотографировать в Лозанне, съездив за казенный счет в Швейцарию.

Вот так при большевиках тратились дефицитные валютные средства на изучение весьма сомнительных «Ленинских мест». По меткому замечанию С.Н. Мотовиловой, «да ведь таких домов, куда один раз Ленин заходил, вероятно, [в Европе] много тысяч».

* В другом письме С.Н. Мотовилова предположила, что письма от эмигрантов в Россию перевозила тайно из-за границы ее мать Алина Антоновна.

** Выходит, письма были обнаружены в 1925-м, поскольку В.П. Ногин умер в 1924 г.

В дореволюционные годы связь с подпольщиками могла закончиться весьма плачевно для Мотовиловых. Софья Николаевна вспоминала об этом так:

Как-то Ногин был очень грустен. Я спросила: почему? Он ответил, что очень боится за транспорт, который привез из-за границы – «Искра», «Заря», «Что делать» Ленина и почему-то какую-то записку Витте. Я предложила: «Перевезите его к нам». А Виктор Павлович, всегда крайне деликатный, ответил: «Это не Ваша квартира, а вашей мамы». (из письма И.Р. Классону)*

С.Н. Мотовилова сейчас же позвала Алину Антоновну. Последняя и Ногин переговорили, и через несколько дней мама приехала на извозчике с небольшой корзиной. Швейцар почтительно внес ее по покрытой ковровой дорожкой лестнице, как это было принято в Петербурге, в приличных домах. Тогда Алина Антоновна с младшими дочерьми Соней и верой жила в Северной Пальмире, в 1901-1902 годах**. У нее был такой вид *grande dame*, что ее-то уж ни в чем не могли заподозрить. В петербургской организации РСДРП оказался провокатор, но благодаря тому, что корзина с нелегальной литературой хранилась у Мотовиловых, так называемый транспорт с литературой из-за границы обнаружен не был.

И далее С.Н. Мотовилова вспоминала:

Вы не можете себе представить, какой храброй и благородной была моя мама. Какое участие она принимала в людях, как ничего не боялась. Однажды мама везла мне в грязном белье анархические брошюры. На границе это обнаружили. Мама рассердилась и закричала: «Не троньте мое белье», и офицер сказал жандарму: «Оставь».

*У мамы был вид *grande dame*. За границей ее вечно называли баронессой, графиней. Когда мы приезжали с мамой в жандармское управление, мама садилась в передней, а жандармы почтительно снимали ее боты. Даже жандармский полковник говорил – какая мама удивительная женщина, «в жандармское управление ездит со своей дочерью».*

В 1893-м семейная чета Классонов вернулась в Петербург, но вроде бы без дочки, которую, по воспоминаниям С.Н. Мотовиловой, из-за ее нездоровья пришлось оставить у Алины Антоновны. Маленькую Соничку потом как будто бы довезла в Петербург эта заботливая тетка – в 1894-м или 1895 году. Их сын Иван предполагал, что еще одной причиной, побудивших его родителей оставить первенца у тетки было опасение, что их обоих (или одного Роберта Эдуардовича) могут арестовать по возвращении в Россию. И действительно их, хотя и не арестовали, но привлекали к допросам по подозрению в государственном преступлении!

Но эти зыбкие воспоминания и предположения опровергаются приводившимися ранее показаниями С.И. Классон на допросе в Департаменте полиции 23 ноября 1893 года, при ответе на вопрос анкеты «были ли за границей»:

Первый раз была за границей в Германии и Швейцарии в 1891 г., где и пробыла около двух лет, т.к. муж служил во Франкфурте, откуда возвратилась в июле 1893 г., затем в сентябре сего же года выехала в Швейцарию, отвезя туда больную свою дочь, и возвратилась в Россию в октябре сего года. (здесь и ниже – ф. 102 ГАРФ)

И сей сюжет подкрепляется упомянутым выше документом – *permis de sejour* (видом на жительство) с 1 марта 1894-го по 28 февраля 1895-го для русской девицы Софьи Классон, находящейся на воспитании у т-те Мотовиловой, Маурас 55.

* Хорошими знакомыми С.Н. Мотовиловой еще в Лондоне стали социал-демократы, революционеры Сергей Васильевич Андропов и его друг из простых рабочих, красильщик с фабрики Морозова Виктор Павлович Ногин.

** В.П. Ногин приехал в С.-Петербург 2 сентября 1901 г., а 2 октября того же года он был арестован. А через год, в сентябре 1902-го – выслан из Петербурга в Енисейскую губернию.

Выходит, Роберт Эдуардович уехал в Петербург один, в мае 1893-го, а его жена – лишь в июле того же года, с десятимесячной дочкой. Но главное здесь, конечно, что Соничка, после того как заболела в сыром климате Петербурга (или же не сразу оправилась после прививки, сделанной в Лозанне?), затем выздоровела, выросла в прелестную девушку и во втором браке родила троих детей, хотя и умерла в советском роддоме от родильной горячки.

Вернувшись в Россию, Классоны через какое-то время побывали у родителей Софьи Ивановны в их имении Мокрая Бугурна под Симбирском. Осмотрев дом, Роберт Эдуардович пристрасно заметил: в нем не хватает только электричества.*

Здесь стоит подключить воспоминания Софьи Николаевны Мотовиловой, которая не однажды гостила у своих родственников под Симбирском. 16 января 1960 года она написала из Киева своему московскому корреспонденту Ивану Робертовичу Классону:

Вы знаете, как бабушка Луиза Францевна неизвестно для чего продала родовое имение [Русскую] Цыльну, где прошло детство ее детей, где был чудесный дом, сад, река, и неизвестно для чего стала строиться в [Мокрой] Бугурне.

Из благоустроенной усадьбы переехали на голое место и ютились все в одной избе! Я это помню. Потом из четырех изб построили флигель, а большой дом все строился и строился, и никогда не был достроен. Мы обедали во флигеле, а в доме стены были из бревен с паклей между ними, а громоздкая мебель в гостиной была обита материей для матрацев: желтые и красные полосы! Керосина бабушка Луиза Францевна не признавала, до 1895 года [(года ее смерти)] все комнаты освещались свечами, и это в громадных комнатах дома!

* В своих черновых записях И.Р. Классон не зная точно, когда умерла Л.Ф. Флориани, предполагал, что сей визит мог состояться не позже мая-июня 1893 г. Однако нижеследующая информация заставляет предполагать иную дату:

Мотовилов Иван Егорович, р. 30 марта 1820 †10 ноября 1900. С Л.Ф. Мотовиловой (с. Мокрая Бугурна Симбирского у.)

Мотовилова Луиза Францевна, р. 20 апреля 1832 †10 июля 1895. С И.Е. Мотовиловым (с. Мокрая Бугурна Симбирского у.)

Источник: Река времен (Книга четвертая). Русский провинциальный Некрополь. Картотека Н.П. Чулкова из собрания Государственного Литературного музея. М., 1996

Установить достоверно время визита четы Классонов в с. Мокрая Бугурна сейчас затруднительно: Роберт Эдуардович приехал из Франкфурта в Петербург в мае 1893 г.; Софья Ивановна приехала из-за границы в Петербург с 10-месячной Соничкой в июле 1893 г., затем в сентябре отвезла приболевшую дочку обратно к Алине Антоновне и вернулась к мужу в октябре того же года. В ноябре 1893 г. Р.Э. Классон вызывался на допросы к полк. Шмакову из Отдельного Корпуса Жандармов.

Возможно, что этот визит в Мокрую Бугурну состоялся летом 1894-го, когда Луиза Францевна была еще жива. При этом подросшая и поправившаяся Соничка, если Алина Антоновна уже привезла ее в Петербург, могла быть оставлена на попечение тети Мани, которая жила с Классонами на Охте.

В то же время киевская С.Н. Мотовилова писала 21 января 1960 г. И.Р. Классону в Москву:

И в 1895 году, и в 1896-м, и 97-м, и 98-м тетя Соня летом жила в Бугурне. В 1898 году меня уже там не было, и тогда туда приезжали Классон и Коробко. Одно лето, кажется, на месяц, тетя Соня с тетей Маней, Верой, своей подругой Ивановой ездили гостить к Лесгафту, а затем вернулись в Бугурну.

Выходит, визит Р.Э. Классона в Мокрую Бугурну состоялся после смерти Луизы Францевны, но еще при живом Иване Егоровиче?! Когда наследники отказались от дорогостоящего освещения свечами и перешли на более дешевое керосиновое. Но заводить капиталоемкое электрическое освещение (пристройка с котлом, паровой и динамо машиной, дровяным складом и воздушной и внутренней электропроводкой) для недостроенной, пусть и большой, деревянной избы и флигеля (странная затея Луизы Францевны после переезда из Русской Цильны) было бы совсем уже стремно!!!

К сожалению, ни Роберту Эдуардовичу, ни Софье Ивановне не пришло в голову во время этого «исторического визита» захватить в Симбирске фотографа с камерой, треногой и набором фотопластинок, чтобы запечатлеть себя и Мотовиловых на память потомкам. Как они это сделали, когда в 1892 г. прогуливались по живописной местности с водопадами в Ormonts dessus. И в результате остался исторический снимок «Русские в Швейцарии».

Из-за продажи Цыльны папа [Николай Иванович] поссорился с бабушкой. Он хотел ее купить, продал свой хутор, чтоб достать денег, а бабушка потихоньку от него Цыльну продала какому-то Мотовилову. Зачем?

В том же 1893 году, когда Классоны вернулись из заграницы, появилась такая секретная бумага:

<...> в ночь на 2 Ноября были произведены по требованию С.Петербургского Губернского Жандармского Управления обыски у <...> бывшего студента Технологического Института Артура Классона и Якова Коробки. По обыскам этим ничего явно предосудительного не обнаружено и взята лишь разная переписка.

Однако уже через неделю Департамент Полиции обратился в Губернское Жандармское Управление с просьбой «принять меры к расследованию по данным этой переписки сношений Классона и жены его с русскими эмигрантами в Швейцарии».

При обыске у Р.Э. Классона была «найдена переписка, свидетельствующая, что он, жена его София, урожденная Мотовилова, и Яков Коробко находились в сношении с русскими эмигрантами в Швейцарии Аксельродом, Плехановым, Засулич, Ашкинази и др.» Частично показания Роберта Эдуардовича, в отношении «маленького ребенка» А.М. Водена, мы уже цитировали. Но основные подробности дознания по этому противоправительственному делу будут приведены в очерке «В Северной Пальмире и на Охте».

А здесь самое время прервать повествование о Роберте Эдуардовиче и его заграничной жизни (в инженерной и марксистской ипостасях), в том числе в обществе Мотовиловых. И рассказать про древний дворянский род Мотовиловых, с которым он породнился, женившись на своей петербургской знакомой Софье Ивановне.